

*Шторм бьет о скалы вал за валом,
И в озеро два солнца пали,
Часы теней уже настали
В далекой-далекой Каркосе.*

*Черны и странны в небе звезды,
И странны луны ночью поздней,
Но их странней лик мрачный, грозный
Потерянной древней Каркосы.*

*О песнь Хиадеса, что зреет,
Где Короля отретья реют,
Умрешь ты, прозвучать не смея,
Неслышная, в мрачной Каркосе.*

*Душа, умолкни — петь нет мочи.
И слез не изольют уж очи —
Иссохнут, сгинут скорбной ночью
В утраченной темной Каркосе.*

Песнь Кассильды. Король в желтом.

Акт 1. Сцена 2¹

¹ Перевод стихов Н. Сидемон-Эристави.

РЕСТАВРАТОР РЕПУТАЦИИ

I

Не смейтесь над безумцем. Его сумашествие длится дольше, чем наше... В этом вся разнища.

К концу 1920¹ года правительство Соединенных Штатов завершило программу, принятую в последние месяцы правления президента Уинтропа². В стране было спокойно. Созданные профсоюзы разрешали вопросы оплаты труда. Война с Германией, захватившей остров Самоа, прошла без последствий для республики. Вторжение и оккупация Норфолка были забыты благо-

¹ В оригинальном тексте, выложенном на сайте «Гуттенберг», здесь указана дата 1920 г. Очевидно, что это либо ошибка, либо мистификация автора, поскольку не соответствует дате рождения Луи Кастанье, указанной далее: «Кастанье, Луи де Кальвадос, родился 19 декабря 1877». Между тем герой — молодой человек, ему около 25 лет. На протяжении всего романа наблюдаются игры со временем и хронологические нестыковки сюжета, связанные с этой датой.

² Роберт Чемберс написал «Короля в желтом» в 1895 году. События, описанные в начале этого рассказа, — несбывшиеся пророчества писателя. — *Здесь и далее — прим. пер., если не указано иное.*

даря череде морских побед и окружению генерала фон Гартенлауба в штате Нью-Джерси. На сто процентов окупилась инвестиция в Кубу и Гавайи. Самоа в качестве угольного придатка вполне оправдывала расходы. Оборону страны подняли на нужную высоту. Города на побережьях укрепили. Генеральный штаб организовал армию по прусской системе, ее численность увеличили до 300 000 человек, не считая миллиона резервных. Шесть новейших эскадр, оснащенных крейсерами и боевыми кораблями, патрулировали все морские акватории, и запаса пара хватало, чтобы не упускать из виду внутренние воды.

Властелины с Западного побережья наконец осознали, что одной любви к родине недостаточно, чтобы достойно представлять ее за границей, и что дипломатический колледж необходим так же, как юридические школы. Нация процветала. Чикаго, ненадолго парализованный вторым великим пожаром¹, восстал из руин во всем своем царственном блеске и стал лучше, чем белый город, восстановленный на скорую руку только к 1893 году. Повсюду трущобы сменялись роскошными зданиями, и даже в Нью-Йорке внезапная тяга к красоте выместила большую часть убогих архитектурных затей. Улицы расширили, вымостили, осветили, высадили деревья, размети-

¹ Пожар в Чикаго произошел в 1871 году и был одной из самых масштабных катастроф XIX века. Город восстанавливали вплоть до 1893 года.

ли площади, снесли часть железных дорог, а вместо них проложили метро.

Новые правительственные здания и казармы в архитектурном представлении были безупречны. Каменные набережные, окаймлявшие остров, превратились в парки. Местное население восприняло это как благодать небес. Принесло свои плоды государственное финансирование театра и оперы. Национальная художественная академия Соединенных Штатов стала ничуть не хуже классических европейских школ.

От последних договоров с Францией и Англией мы только выиграли. Выдворение евреев-иностранцев в качестве превентивной меры, заселение нового независимого негритянского государства Суани, контроль за иммиграцией, новые законы, касающиеся натурализации, и постепенная централизация исполнительной и законодательной власти — все это способствовало национальному спокойствию и процветанию. Правительство решило проблему коренных американцев — индейские рейнджеры в туземных костюмах превратились в послушный инструмент министра лесного хозяйства, и нация вздохнула с облегчением. После созыва на конгресс всех религиозных организаций фанатизм и нетерпимость исчезли с лица земли, а доброта и милосердие сблизили враждующие течения, люди заговорили, что на свете наступило царствие Божье, по крайней мере на том свете, который назывался Новым.

Самосохранение превыше всего, так что Соединенные Штаты со стороны наблюдали, как Германия, Италия, Испания и Бельгия корчились в муках анархии, а Россия, затаившись за Кавказским хребтом, подминала под себя эти страны одну за другой. Лето 1899 года в Нью-Йорке знаменовалось демонтажом железных дорог. В 1900 году снесли статую Доджа. Следующей зимой открылась многолетняя кампания за отмену законов, запрещающих самоубийства. В апреле 1920 года она окончилась тем, что на Вашингтон-сквер открыли первые государственные Палаты смертников.

* * *

В тот день я по одному делу побывал у доктора Арчера на Мэдисон-авеню. Четыре года назад я упал с лошади, и с тех пор меня время от времени беспокоили боли в области шеи и затылка. А четыре месяца назад я наконец излечился от них, и в тот день доктор отослал меня со словами, что я совершенно здоров. По правде сказать, его гонорар был чересчур высок, но я заплатил ему сполна. Я не забыл, как четыре года назад доктор Арчер совершил врачебную ошибку. Меня в бессознательном состоянии подняли с тротуара и отнесли к нему домой. Кто-то из милосердия послал пулю в голову моей лошади. Доктор объявил, что мой мозг поврежден, поместил меня в свою частную клинику и принялся лечить как умалишен-

ного. Наконец, он признал меня выздоровевшим, и, хотя я всегда оставался в здравом уме и был не менее нормален, чем он, все же я «заплатил за науку», как он шутливо говорил, и после этого вышел из клиники. Тогда я сказал ему с усмешкой, что непременно поквитаюсь с ним за его ошибку, а он в ответ от души рассмеялся и попросил меня звонить ему время от времени. Я так и делал, надеясь когда-нибудь ему отплатить. Он не давал мне шанса сделать это, но я был терпелив, я умел ждать.

Падение с лошади, к счастью, не имело для меня дурных последствий, напротив, весь мой характер изменился к лучшему. Из ленивого молодого хлыща я стал активным, энергичным и во всем умеренным, но прежде всего... прежде всего — честолюбивым. Только одна вещь доставляла мне беспокойство. Сколько я ни смеялся над собой, она продолжала меня тревожить.

Пока я лежал в клинике, впервые купил и прочел «Короля в желтом». Помню, после первого акта мне пришлось в голову, что это напрасная трата времени. Я вскочил и зашвырнул книгу в камин. Том ударился о решетку и застрял на ней, раскрывшись. Если бы тогда мои глаза не упали на открытую страницу и не остановились на первой строке второго акта, я не вернулся бы к этой пьесе. Но я наклонился, чтобы подтолкнуть книгу в огонь, прочел и с криком ужаса или, быть может, острого наслаждения, пронизавшего все мое

естество, выхватил ее из пламени и утащил в спальню. Там я читал и перечитывал ее без конца, плакал и смеялся, сотрясаясь от нервной дрожи. И теперь меня тревожит, что я никак не могу забыть Каркосу, где в небесах черные звезды, где тени человеческих мыслей удлинняются после полудня, когда два солнца опускаются в озеро Хали. Мой разум навсегда сохранил память о Бледной Маске. Я молюсь, чтобы Бог проклял драматурга, как драматург проклял мир этим неземным творением, ужасным в своей простоте, непреодолимым в истине — весь этот мир будет лежать во прахе перед Королем в желтом.

Когда французское правительство изъяло переведенные экземпляры, только что прибывшие в Париж, весь Лондон, конечно, хотел это прочесть. Известно, что книга распространялась, как эпидемия, из города в город, с континента на континент. Повсюду ее запрещали, конфисковывали, осуждали в прессе и в церкви, шельмовали даже самые авангардные литературные критики. Не то чтобы эти злые страницы нарушали табу, или обнародовали запретные доктрины, или возмущали чьи-то убеждения. Книга попросту не вписывалась ни в один канон, хотя было единодушно отмечено, что само Искусство было посягнуто в пьесе «Король в желтом», и все понимали, что человеческая природа не может выдержать такого накала и продолжать жить, осмыслив слова, скрывающие в себе чистейший яд. Наив-

ная банальность первого акта только усиливала зловещие последствия дальнейшего чтения.

Но я отвлекся. В тот день 13 апреля 1920 года, когда я шел от доктора Арчера по Мэдисон-авеню, открылись первые правительственные Палаты смертников. С южной стороны Вашингтон-сквер, между Вустер-стрит и Пятой авеню. Квартал, который раньше состоял из множества обветшалых старых зданий, где были разбросаны кафе и ресторанчики для иммигрантов, был выкуплен правительством еще зимой 1898 года. Французские, итальянские кафе и рестораны снесли, весь квартал огородили позолоченной железной оградой и превратили в прекрасный сад с газонами, клумбами и фонтанами. В центре сада стояло небольшое белое здание строгой классической архитектуры, окруженное цветущими купинами. Шесть ионических колонн поддерживали крышу, а единственная входная дверь была отделана бронзой. Перед дверью установили скульптурную группу «Судеб» — работу молодого американского художника Бориса Ивейна, умершего в Париже, когда ему было всего двадцать три года.

Шла церемония открытия, когда я переходил Университи-плейс и достиг Вашингтон-сквер. Я пробрался сквозь молчаливую толпу зрителей, но на Четвертой авеню меня остановил кордон полиции. Драгунский полк выстроился буквой «п» вокруг Палат смертников. На трибуне, обращенной к Вашингтон-сквер, стоял губернатор штата

Нью-Йорк. За ним переминались мэр Нью-Йорка и Бруклина; генеральный инспектор полиции; комендант правительственных войск; полковник Ливингстон — начальник гвардии президента Соединенных Штатов; генерал Блаунт — комендант Говернорс-айленда, командующий гарнизоном Нью-Йорка и Бруклина; адмирал Баффби, руководивший Северным флотом; генерал-лейтенант Лансефорд; персонал благотворительного национального госпиталя; сенаторы Вис и Франклин от Нью-Йорка и комиссар общественных работ. Трибуна была окружена эскадром гусар национальной гвардии.

Губернатор заканчивал отвечать на короткую речь главного врача. Я услышал, как он сказал:

— Законы, запрещающие самоубийство и предусматривающие наказание за попытку самоубийства, отменены. Правительство сочло целесообразным признать право человека на прекращение существования, которое стало невыносимым из-за физических или психических страданий. Мы считаем, что изъятие таких людей из общества пойдет ему на пользу. После принятия закона количество самоубийств в США не возросло. Теперь, когда правительство решило создать Палаты смертников в каждом городе, поселке и деревне, нам предстоит выяснить, примет ли предоставленную помощь та часть человеческих существ, среди которых ежедневно появляются новые жертвы. — Он помолчал, обернувшись к белому зда-

нию за трибуной. Вокруг воцарилась мертвая тишина. — Здесь безболезненная смерть ждет того, кто больше не в силах переносить жизненные страдания. Если вы ищете смерти, вы найдете ее. — Затем, обратившись к начальнику гвардии президента, добавил: — Объявляю Палаты смертников открытыми, — и, оглядев огромную толпу, еще раз отчетливо повторил: — Граждане Соединенных Штатов Америки, от имени правительства объявляю Палаты смертников открытыми.

Торжественность момента была нарушена резкой командой — гусарский эскадрон двинулся вслед за губернаторским экипажем, драгуны развернули строй и вытянулись вдоль Пятой авеню в ожидании командующего гарнизоном, конная полиция двинулась за ними.

Я оставил толпу смотреть на белые мраморные Палаты смертников с разинутыми ртами, пересек Пятую авеню и пошел по западной стороне к Бликер-стрит. Затем свернул направо и остановился перед темной лавкой с вывеской: «Хауберк, оружейник».

В дверном проеме я увидел Хауберка. Он сидел в дальнем конце зала и, увидев меня, сердечно воскликнул:

— Входите, мистер Кастанье!

Его дочь Констанс поднялась мне навстречу, когда я переступил порог, протянула мне прелестную ручку. При этом я заметил на ее лице румянец разочарования и понял, что она ожидала

другого Кастанье, моего кузена Луи. Я усмехнулся ее смущению и похвалил рукоделие — она вышивала на куске ткани, перенося на него рисунок с цветной тарелки.

Старый Хауберк клепал поножи от каких-то старинных доспехов. Тинг-тонг! Его молоток мелодично звенел в этой чудесной лавке. Затем он бросил молоток и принялся возиться с маленьким гаечным ключом. Мягкое бряцание кольчуги вызывало во мне дрожь удовольствия. Мне нравилось, как звенит сталь, ударяя по стали, нравилось, как молоток стучит о поножи и как бряцают кольчуги. И это была единственная причина, из-за которой я навещал Хауберка. Сам лично он никогда меня не интересовал, как и Констанс, если не считать того, что она была влюблена в Луи.

Иногда эти мысли не давали мне спать по ночам. В глубине души я был уверен, что все будет хорошо и что я должен устроить их будущее так же, как собирался позаботиться о добром докторе Джоне Арчере. Тем не менее я никогда не стал бы утруждать себя посещениями Хауберка, если бы, как я уже сказал, не был так очарован музыкой звящего молотка. Я часами сидел, слушал и слушал, и, когда солнечный луч падал на инкрустированную сталь, это производило на меня нестерпимое впечатление. Мои глаза останавливались, расширяясь от удовольствия, каждый нерв натягивался как струна, пока движение старого ору-

жейника не перекрывало доступ солнечного света. Затем, все еще глубоко взволнованный, я откидывался назад и вновь прислушивался к шороху полировальной ткани — ш-ш-шик! ш-ш-шик! — затирающей ржавчину на заклепках.

Констанс склонилась над вышивкой, держа ее на коленях, время от времени она останавливалась, чтобы лучше рассмотреть рисунок на цветной тарелке из Метрополитен-музея.

— Для кого это? — спросил я.

Хауберк объяснил, что его назначили не только ухаживать за драгоценными доспехами из Метрополитен-музея, но и заботиться о нескольких частных собраниях. Эти поножи они с клиентом обнаружили в маленьком парижском магазинчике на набережной Орсе. Хауберк лично вел переговоры о покупке, реставрировал их, и теперь доспехи полностью собраны. Он положил молоток и прочел мне лекцию по истории этих лат и о том, как они переходили от владельца к владельцу, начиная с 1450 года, пока их не приобрел Томас Стейнбридж. После распродажи его великолепной коллекции клиент Хауберка выкупил доспехи, но без поножей. Их искали до тех пор, пока почти случайно они не обнаружили в Париже.

— И вы настойчиво продолжали поиски, не зная наверняка, сохранились ли они? — удивился я.

— Разумеется, — невозмутимо ответил он.

Вот тогда я впервые заинтересовался Хауберком.